

Ло Ляньюнь и Шу Тинью чувствовали себя немного неловко и не очень хотели есть фрукты, которые принес Се Сихэн. Однако Чи Ван уже отнес виноград помыть.

Они не были уверены, к какому сорту винограда он относится, но виноградины были крупными, сочными и очень сладкими.

Чи Ван с удовольствием их ел, засовывая одну за другой в рот.

Увидев, как Шу Тинью пускает слюни от желания, он протянул ему одну и сказал:

— Раз уж он их принес, не стесняйся. Ешь.

Шу Тинью проглотил виноградину и сказал:

— Принимая услуги, ты остаешься в долгу.

Чи Ван ответил:

— Все в порядке, просто ешь.

С его помощью они наконец-то начали есть.

Внезапно Шу Тинью сказал:

— Я слышал, что употребление винограда может сделать кожу младенца светлее, а глаза — больше.

Чи Ван рассмеялся.

— Вот опять. Это просто суеверие. Достовернее верить, что раз у обоих отцов светлая кожа, то и у ребенка от природы будет светлая кожа.

Сказав это, Чи Ван сделал паузу: почему ему так естественно представлялось, как будет выглядеть младенец?

В этот момент раздался стук в дверь. Трое обменялись взглядами; все понимали, кто это, поскольку до проверки общежития еще не настало время.

Чи Ван первым подошел и открыл дверь. И действительно, это был Се Сихэн. На нем была серо-голубая пижамная рубашка. Яркий свет в коридоре подчеркивал его бледную кожу, делая

отчетливыми вены на шее.

Се Сихэн посмотрел на Чи Вана и заметил, что на нем были свободные пижамные штаны, закатанные снизу, обнажая часть икры. Его тапочки были шлепанцами. Се Сихэн слегка нахмурился и сказал:

— Температура упала; тебе следует потеплее одеться.

Чи Ван ответил:

— Ах, я не боюсь холода; все в порядке.

Се Сихэн сменил тему.

— Хочешь зайти ко мне?

Чи Ван быстро кивнул.

— Конечно!

Он последовал за Се Сихэном в комнату 405. Открыв дверь и увидев, что внутри, он был ошеломлен. Он сделал несколько шагов назад, еще раз взглянул на номер комнаты, чтобы убедиться, что это действительно общежитие.

Он недоверчиво посмотрел на Се Сихэна.

— Подожди-ка, а универ согласился на то, чтобы ты переделал комнату таким образом?

Се Сихэн ответил:

— Да.

Неудивительно, что Чи Ван был шокирован. Снаружи комната выглядела как обычная, но внутри все было совсем иначе. Четыре кровати и письменных стола были убраны, и интерьер напоминал небольшую спальню в квартире. Там стояла кровать длиной два метра и шириной 1,8 метра, а также книжные полки, шкафы, столы и стулья. Был даже небольшой чайный столик с доской для игры в го и пушистый коврик под ним. На стенах висели абстрактные картины, а на небольшой полке стояла ваза с несколькими веточками.

Короче говоря, это было довольно стильно.

Первым вошел Се Сихэн и протянул ему пару тапочек.

— Надень эти.

Чи Ван посмотрел вниз и увидел, что это были мягкие тапочки оранжевого цвета, как раз его размера, явно купленные специально для него.

Он снял обувь, надел мягкие тапочки и вошел в комнату. Его встретил приятный аромат — неопределимый, но не похожий на обычные духи. Он был нежным и тонким, свежим и успокаивающим.

Чи Ван спросил Се Сихэна:

— Ты все это организовал сегодня днем?

Се Сихэн ответил:

— Да.

Чи Ван посмотрел на него.

— Неужели «да» — единственное слово, которое ты знаешь?

Се Сихэн спросил:

— Ты переедешь ко мне?

Чи Ван: ??

Он усмехнулся.

— Не мог бы ты сказать что-нибудь другое?

Се Сихэн опустил глаза, чтобы посмотреть на его улыбающееся лицо, отдаленно напоминающее то энергичное выражение, которое у него было, когда он впервые выступал в баре.

Яркая, ослепительная улыбка, словно бриллиант, похожая на метеор, проносящийся по ночному небу.

После небольшой паузы Се Сихэн продолжил:

— Давай сыграем в Го. Ты знаешь, как это делается?

Улыбка Чи Вана слегка померкла, он выглядел немного подавленным.

— Нет, не хочу, — сказал он.

Это была довольно сложная игра; он не мог просто так взять и освоить ее.

Се Сихэн сказал:

— Я могу тебя научить.

Чи Ван на мгновение удивился, но тут же пришел в восторг.

— Конечно!

Он всегда стремился осваивать новые навыки; чем больше, тем лучше!

Се Сихэн подошел к чайному столику, снял тапочки и сел на ковер. Он взглянул на Чи Вана, который сразу все понял. Он подошел, подражая действиям Се Сихэна, снял обувь и босиком ступил на ковер, после чего сел.

Се Сихэн начал объяснять правила игры в го.

— Это доска для го. Эти точки здесь называются «звездами», а центральная звезда — «тэнгэн». Пустые точки вокруг камня — это его «свободы». Если эти точки заняты камнями противника, то этих свобод больше не существует...

Он подробно объяснил, говоря медленно, а Чи Ван внимательно слушал.

После ознакомления с основами Се Сихэн позволил Чи Вану сначала поиграть черными камнями.

Чи Ван взял черный камень и поместил его в центральную точку тэнгэн.

Се Сихэн спросил:

— Почему ты поместил его на тэнгэн?

Чи Ван естественно ответил:

— Когда я играю в Гобан*, я всегда занимаю это место.

ПП: японская игра, в которую играют на доске для Го, где игроки по очереди пытаются первыми выставить пять фишек подряд (похожа на игру в крестики-нолики).

Осознав нечто важное, он смиренно спросил:

— А что, что-то не так?

Се Сихэн объяснил:

— В игре Го делается упор на общую стратегию. Первый ход на стадии тэнгэн создает нестабильную основу; его, как правило, не рекомендуется делать.

Чи Ван внезапно все понял.

— А, понятно. Извини, позволь мне начать сначала.

Говоря это, он уже собирался взять черный камень. Се Сихэн вытянул длинные пальцы и указал на угол.

— Начни с игры в точке «3-3» в углу; это одна из девяти звездных точек, о которых я упоминал.

Чи Ван сказал:

— А, понятно.

Он поднял черный камень и положил его туда, куда указал Се Сихэн.

Се Сихэн взял белый камень и положил его рядом с камнем Чи Вана. Пока Чи Ван продолжал расставлять камни, Се Сихэн указывал ему, куда ставить следующий.

— В этой первой игре не беспокойся о победе или поражении; считай это практическим обучением.

Чи Ван улыбнулся.

— Я понимаю.

Он был очень рад, на его лице всегда сияла улыбка. Даже Се Сихэн казался ему особенно приятным.

Се Сихэн еще несколько раз взглянул на него, заметив перемену в его поведении. Он стал еще более серьезным в своих наставлениях.

— Теперь твои черные камни окружают белые камни, остался всего один ход. У белых камней осталась только одна свобода. Если ты поставишь свой черный камень сюда, ты сможешь захватить все белые камни внутри окружения — это называется «захват камней».

Чи Ван поместил черный камень на последнюю свободу, запечатав белые камни и убрав их с доски.

— Вот так?

Се Сихэн кивнул.

— Да.

Чи Ван на мгновение задумался и сказал:

— Это не кажется таким уж сложным; это довольно интересно.

Се Сихэн сказал:

— В Го можно играть как в простом, так и в очень сложном стиле. Если вы не соревнуетесь, вы можете играть в более непринужденной обстановке.

Чи Ван с любопытством спросил:

— Ты участвовал в соревнованиях?

Се Сихэн сделал паузу, прежде чем ответить:

— Я участвовал в средней школе.

Чи Ван спросил:

— Ты хорошо справился?

Се Сихэн скромно ответил:

— Я достиг профессионального уровня 9-го дана.

Чи Ван был поражен.

— Что?! Ты настолько искусен?

Взгляд Се Сихэна упал на удивленное лицо Чи Вана. Он невольно потер между пальцами белый камень.

— Я ушел в отставку еще в старшей школе.

Чи Ван искренне сказал:

— Это потрясающе! Профессионал! Ты принес славу своей семье!

Для Чи Вана человек с такими навыками был подобен сверкающей золотой горе. Взглянув на Се Сихэна еще раз, он нашел его еще более привлекательным. Он был терпелив в преподавании — совсем неплохо!

Се Сихэн спросил:

— Ты хочешь продолжить обучение?

Чи Ван с энтузиазмом ответил:

— Да!

Вернемся в комнату 404, Ло Ляньюнь и Шу Тинью беспокоились.

Ло Ляньюнь спросил:

— Сколько времени прошло?

Шу Тинью посмотрел на часы.

— Прошел уже час и двадцать минут.

Ло Ляньюнь недоверчиво спросил:

— Они так давно ушли? О чем они так долго болтают?

Шу Тинью мрачно сказал:

— У них уже есть ребенок, и Чи Ван решил его оставить. Наверняка им есть что обсудить.

Ло Ляньюнь не ответил. Он понимал Чи Вана; хотя тот и был взволнован разговором с Шу Тинью, Чи Ван не позволил бы им воспитывать ребенка. Более того, он сам не стал бы воспитывать ребенка; он был весьма решительным человеком. С самого начала он говорил, что оставит ребенка на попечение отца. Поэтому для него было вполне естественно ладить с Се Сихэном.

Чи Ван наконец вернулся как раз перед проверкой. Поскольку он жил по соседству, вернулся он быстро. И Ло Ляньюнь, и Шу Тинью видели исходящую от него радостную ауру. Его светлое лицо было покрыто здоровым румянцем, глаза сияли, как звезды на ночном небе, а губы были изогнуты в расслабленной улыбке — белые зубы и красные губы, необычайно красивые.

Ло Ляньюнь почувствовал боль в сердце и спросил:

— Почему ты такой счастливый?

Глаза Чи Вана расплылись в улыбке, обнажив его тигриный зуб.

— Хе-хе-хе, я узнал что-то новое.

Ло Ляньюнь спросил:

— Чему ты научился?

Чи Ван ответил:

— Го! Должен сказать, это довольно весело.

Ло Ляньюнь все понял и больше ничего не стал спрашивать.

Чи Ван был в приподнятом настроении и радостно сказал:

— Когда я научусь хорошо играть, может быть, я получу дан. Может быть, в будущем я смогу открыть студию игры в Го.

Шу Тинью спросил:

— Это кажется довольно сложным. Ты уже освоил правила?

Чи Ван уверенно выпятил грудь:

— Освоил! Если буду учиться у него еще месяц-другой, у меня все получится.

Шу Тинью также ранее обучался у Чи Вана, но тот отговорил его от дальнейших занятий.

Чи Ван казался ему невероятно интересным; он быстро всему учился и стремился осваивать новое. Например, он умел играть на нескольких музыкальных инструментах и даже знал, как играть на суоне*. Из обрывков его рассказов следовало, что в старших классах Чи Ван подрабатывал, играя на суоне на деревенских похоронах, зарабатывая деньги и получая возможность семь-восемь раз в месяц обедать на банкетах.

ПП: Суона или сона — это китайский духовой язычковый инструмент с громким, ярким и пронзительным звуком. Представляет собой деревянный конический ствол с 8 отверстиями и металлическим раструбом. Используется в традиционных китайских оркестрах, на свадьбах, похоронах и народных праздниках.

Шу Тинью невольно погрузился в свои мысли. Вне зависимости от обстоятельств, Чи Ван всегда мог позаботиться о себе и жить хорошо.

Он восхищался Чи Ваном и испытывал к нему еще больше уважения, питая необъяснимую неприязнь к Се Сихэну.

ПП: Эти двое, точно родную сестренку, оберегают Чи Вана)

Но Шу Тинью предпочел промолчать, решив поддержать все решения Чи Вана. Поскольку Чи Ван хорошо ладил с Се Сихэном, он внешне не проявлял к нему никакой враждебности.

Чи Ван не подозревал о внутренних переживаниях Шу Тинью; в тот момент он был по-настоящему счастлив.

«Обучение бесконечно» — таков был его девиз! Завтра были выходные; он мог продолжить

обучение у Се Сихэна! Рано или поздно он выжмет из Се Сихэна все, что сможет.

Чи Ван с радостью лег спать, больше не испытывая чувства пустоты после увольнения с двух подработок.

На следующий день Чи Ван снова проспал и проснулся только после семи утра. Ло Ляньюнь и Шу Тинью уже встали — один занимался уборкой, а другой только что вернулся с улицы, неся завтрак.

— На завтрак — жареная лапша в соусе из второй столовой, твоя любимая, — сказал Ло Ляньюнь Чи Вану.

Чи Ван сонно встал с кровати. Спускаясь по лестнице, он поскользнулся и чуть не упал. Шу Тинью закричал и бросился на помощь, но Чи Ван ухватился за перила и удержался.

— Все в порядке, просто небольшая неприятность.

Чи Ван теперь полностью проснулся. Когда он спустился, и без того шатающиеся перила отвалились.

Чи Ван: ...

Какая ужасная кровать!

Сначала он пошел умыться. После этого он открыл свой набор инструментов и принялся ремонтировать перила. У него под рукой были основные запасные части, поэтому он быстро прикрепил перила обратно. Затянув их гаечным ключом, он убедился, что они надежно закреплены.

Весь процесс прошел гладко, и Ло Ляньюнь и Шу Тинью к этому уже привыкли.

Чи Ван умел чинить самые разные вещи! Он даже разбирался в плотницком деле! Спросите его, есть ли что-то, чего он не мог сделать — нет; он даже ребенка мог родить!

Чи Ван собрал свои инструменты и уже собирался завтракать, когда в дверь общежития постучали. Шу Тинью пошел открыть, это был Се Сихэн.

Се Сихэн держал в руках антикварного вида коробку для еды. Увидев, как Шу Тинью открыл дверь, он слегка приподнял коробку и коротко сказал:

— Я принес завтрак.

Ло Ляньюнь намеренно спросил:

— А есть ли что-нибудь для нас?

Се Сихэн взглянул на него. Его взгляд оставался равнодушным, но слова были проникнуты заботой.

— Да, завтрак на троих.

Ло Ляньюнь: ...

Шу Тинью воскликнул:

— Ух ты!

Чи Ван почесал затылок и спросил:

— Учитель, ты уже поел?

Се Сихэн: ?

Учитель?

<http://bllate.org/book/14359/1343533>